

Альманах «снежного человека» “ДИКИЙ ЧЕЛОВЕК” В СЕВЕРНОМ ПРИКАСПИИ

М.А. Кирокосьян

Кирокосьян Михаил Анатольевич,
действительный член Русского
географического общества
Главный специалист Комитета по
образованию и науке администрации
гор. Астрахани.

Научная деятельность:
по топонимии Астраханской области,
истории Прикаспия и Каспийской
флотилии в XVII–XIX вв.

Есть такая особенность у людей $\frac{3}{4}$ считать, что все самое загадочное и невероятное если и происходит, то непременно где-то “за три девять земель в три десятом государстве”. Мнение, надо заметить, не всегда соответствует действительности, так как порой и у нас, буквально под боком, происходят происшествия отнюдь не местного масштаба, совершаются события уникальной редкости. К этой категории явлений, несомненно, относится появление “дикого” или “снежного человека” в низовьях Волги. Многим, даже тому, кто давным-давно разучился чему-либо удивляться, подобное заявление может показаться полнейшим абсурдом. На первый взгляд, иначе и быть не может. Вот если речь заходит о “снежном человеке”, слоняющимся по заснеженным склонам Гималаев или Тибета $\frac{3}{4}$ никаких проблем. На Востоке и не такое бывает. Можно согласиться с его обитанием на Кавказе $\frac{3}{4}$ как-никак горы. Но Прикаспийская низменность, как место встречи с существом за последние полвека ставшим легендарным, никак не вписывается в круг традиционных представлений.

Предельно простая и понятная позиция, тем не менее, основана на двух неверных представлениях. Во-первых, “снежный человек”, разумеется, вовсе не снежный. Широкое распространение этот термин получил в середине прошлого века, когда на снежных участках гор Непала европейские альпинисты все чаще стали наблюдать отпечатки босых ступней, необычайно похожих на человеческие, правда, несколько более крупного размера. Связь снега и следов подсказала журналистам словосочетание, с той поры прочно прилипшее к пока еще непризнанному существу. На самом деле, предмет нашей темы существо вполне земное и снега в нем не больше чем, например, в снежном барсе. Человеческого в нем также немного - антропоморфный облик, во всем остальном “снежный человек” проявляет себя не иначе как животное. Будучи эврибионтом, прекрасно адаптированным к различным

природным условиям, он превосходно чувствует себя в разных, порой резко отличающихся друг от друга ландшафтных зонах. Именно поэтому его с одинаковым успехом можно встретить как во влажных джунглях Индокитая, американской сельве, так и в горных системах Кордильер, Кавказа, Алтая и пр. И, примечательно, где бы ни было, это человекоподобное существо имеет у местных жителей свое конкретное название, в переводе, чаще всего, означающее “дикий человек”.

А как быть с “диким человеком” на территории Северного Прикаспия? Ландшафт здесь равнинный, тут не то, что гор, приличного леса не встретишь. Однообразный пейзаж несколько оживляют жиденькие леса, лентами тянущиеся по балкам, да вдоль рек. При таком положении, кажется, не только “дикому человеку”, но вполне заурядному животному спрятаться негде. Впрочем, не все выглядит так однозначно и в этом кроется второе предубеждение. Ровным и легко просматриваемым пространством степь видится только с высоты птичьего полета. На самом деле, орография поверхности настолько сложна, что заплутаться в степи так же легко, как и в густом лесу. Поднятия чередуются с понижениями, поверхность изрезана руслами палеорек, встречаются пресные озера, с берегами, густо поросшими камышом, иной раз на двадцатиметровую высоту вздымаются барханы. Местами, там, где на дневную поверхность выходят древние породы, попадаются карстовые провалы с укромными гротами, порой уходящими в многокилометровые подземные пустоты. Наконец, Прикаспийскую низменность пересекают широкие речные долины Волги, Урала и

Терека, настоящие линейно вытянутые оазисы, которые, ближе к морю образуют обширные дельты. Северное побережье Каспийского моря изобилует множеством заливов-култуков, куда впадают сотни протоков-ериков, песчаными наносами сложено бесчисленное количество низменных, поросших тростником и рогозом островов.

Понятно, все это огромное пространство заселено, в той или иной степени используется в хозяйстве и сейчас нет уголка в безоглядной степи не испытывающего антропогенного воздействия. При таком положении, даже учитывая наличие сильно расчлененного рельефа, фактор беспокойства играет весьма существенную роль и, конечно, крупному животному, особенно такому необыкновенному как “дикий человек” в неизвестности долго не продержаться. Но, обратим внимание, так было не всегда. Еще в XIX веке на пространстве от Кубани до р.Урал водились тарпаны, а кочевые племена нисколько не стесняли многомиллионное стадо сайгаков. Процент оседлого населения в Поволжье стал увеличиваться только с включением этой территории в пределы Московского государства. Массовое же заселение, и планомерное освоение низовий Волги началось в XIX веке.

К этому же времени относятся и первые упоминания исследователями фольклора поверий в духов природы у народов Поволжья. На первый взгляд, нет никакой взаимосвязи между этими духами и “диким человеком”, но при близком рассмотрении, применяя простейшие научные методы -

сопоставление и количественную обработку данных, оказывается, что и те, и другие ничем особым не отличаются (Подробно по данному вопросу см.: Поршнева Б. Ф. Современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах. М., 1963 и Баянов Д. Ю. Леший по прозвищу “обезьяна”. М., 1991).

Если отбросить элементы мифотворчества в виде рогов, копыт и некоторых других атрибутов, то в конечном результате любой демон предстает в виде крупного двуногого человекоподобного существа, покрытого шерстью, ведущего сумеречно-ночной образ жизни. В таком облике, но под именем *арсуре* (“получеловек”) он присутствует в фольклоре чувашей, у коми и зырян это - *гона-пель* (“мохнатоухий”), русских - *леший* (“лесной человек”), абхазцев - *абнауаю* (“лесной человек”), чукчей - *мирыгды* (“плечистый”)...

Зафиксирована информация о появлении духов природы и на территории Северного Прикаспия. Так, во второй половине XIX века астраханский медик Ольдекоп пишет, что в Астраханской губернии “верят в “лопастов”, околдованных людей, в водяных и в русалок, причиняющих людям разное зло...” [11, с. 393]. Так как здесь требуется разъяснение, обратимся к такому знатоку великорусского языка как Владимир Даль. Оказывается, *лопаста* или *лопастый* (соответственно, женская и мужская ипостаси), а в некоторых случаях *лобаста*, это род водяного и русалки, но живущие в камышах [1, с. 266]. Любопытный факт $\frac{3}{4}$ оказывается, наши предки видели отличие речных русалок от тех, кто обитал в камышовых зарослях.

Известный русский фольклорист Д. К. Зеленин указывал, что термин *лобаста* (*лопаста*), применяемый также на Кавказе, является производным от восточного *албасты*, названия антропоморфного духа, широко известного у тюркских народов [3, с. 147]. Впрочем, на наш взгляд, этимология термина *лопаста* имеет иное объяснение и относится к исконно русскому языку. Прежде всего, обратим внимание на слово *лопастый*, применяемое для обозначения мужских особей. По существу, оно является прилагательным и характеризует некий объект имеющее нечто плоское и широкое. Именно от этого слова происходит другое, хорошо нам известное слово “лопасть”, которое, помимо общеизвестного значения, означает также: ступня, лапа, стопа, подошва [1, с. 266]. Выводы В. Даля подтверждают и современные этимологические изыскания, из которых следует, что в основе слова *лопастый* находится не сохранившееся до нашего времени слово “лопа”, т. е. вариант существительного “лапа” [17, с. 245]. В данном случае, только об одной характерной детали дикого человека может идти речь $\frac{3}{4}$ о большой и плоской ступне. Следовательно, *лопастый* и *лопаста* являются обладателями большой лапы! Вполне допустимо, тем более что подобный прецедент словообразования уже имеет место. Как широко известно, именно бигфутом, т. е. “большеногим” называет “дикого человека” англоязычное население Северной Америки!

Все же надо отдать должное, Д. Зеленин верно подметил сходство слов нижневолжского диалектного “лопаста” и общетюркского “албаста”.

Разумеется, заключается оно не в происхождении, но в содержании. Кто же скрывается под этим именем? У ногайцев этот дух природы носит название *албаслы*, у казахов, таджиков, туркмен - *албасты*, у некоторых других народов Средней Азии и Северного Кавказа - *алмасты*. Термин “албасты” состоит из двух слившихся слов: *ал* и *басты*. В тюркских языках *ал* - “высокий”, “могущественный”, “возвышенный”, “сильный” [9, с. 47], *басты* - “придавил”, “задавил” [15, с. 30]. Следовательно, под именем албасты скрывается некто обладающий упомянутыми качествами. По представлениям таджиков албасты может появляться в разных обликах, но чаще всего показывается в образе женщины с длинными висячими грудями и длинными косами, которые она расчесывает гребнем [15, с. 31]. Тот же образ вырисовывается из представлений ногайцев, описывающих албаслы как женщину “с длинными волосами, отвислыми грудями, которые она, убегая, закидывает за спину...” [5, с. 122]. По их же сообщениям, албаслы наделена огромной физической силой, ростом с крупного мужчину и ходит вразвалку. Похожее описание дают и казахи [13, с. 41]. Соответственно описывают лобасту терские казаки, выставляя ее как нагую женщину внушительного роста и размера, с громадными, примерно в аршин (т. е. 71,12 см), грудями и волосами, доходящими до земли [14, с. 63].

Невзирая на весьма обширную территорию распространения поверий в албасты, разную этническую и конфессиональную принадлежность информаторов описания существа идентичны, даже в незначительных деталях. Впрочем, нет единодушия в указании мест проживания, что, в общем-то, неудивительно исходя из разнообразия на этом пространстве физико-географических условий. Как отмечает О. Муродов таджикские албасты живут в горах, лесах, степях. Особо прельщают албасты водоемы, отчего ее можно застать “купающейся в арыке или моющей в нем голову, сидящей на берегу реки, расчесывающей свои лохматые волосы” [10, с. 158]. Степным обитателем предстает албасты у казахов. Так, в одной из быличек рассказывается о молодом пастухе, который пас лошадей в степи, где обитала албасты. Несмотря на ее непривлекательную внешность он “сошелся с нею и жили они себе как муж с женою” [2, с. 46]. На Тереке лобаста живет при больших болотах и озерах [14, с. 63]. Не чурается воды и волжская лобаста. По сообщению священника Виноградова, относящемуся к 1848 году, некие проезжие встретили ее на речном берегу в Енотаевском уезде: “Глядь, ан за ериком-то (протоком) девка - знать лобаста -нагишом, чешет голову, а волосы-то длинные-предлинные, а тело-то лохматое-прелохматое, да как захохочет, да в ладоши ударит, они и пуще тово испужались...” [3, с. 177]. Очевидно, люди застали дикую “даму” сразу же после купания.

Зная пристрастие лобасты (албасты) к воде неудивительно, что в Астраханской губернии местом обитания они предпочитают водоемы, поросшие камышом, где, по сообщениям середины XIX века, “по ночам хохочут, пугают путников, угоняют стада, даже иногда бросаются на человека и хватают его сзади...”. А вот очень ценное для нас наблюдение: “Теперь в

степи они вывелись, потому что там поселилось много народа, и находятся в чернях (мелководная часть взморья на севере Каспия, покрытая тростниковыми зарослями), но и там от умножившегося населения их проказы слышны менее” [8, с. 172].

Проказы этих “шаловливых” существ легко объяснимы $\frac{3}{4}$ есть у животных, да и у человека тоже, генетическая программа, направленная на демонстрацию силы. Противника проще всего напугать, показав ему те средства защиты и нападения, которыми он располагает. Отсюда не убийства, но нападения на людей, их преследование и прочие “шалости”, направленные на отпугивание людей от мест своего обитания. Впрочем, людям, попадающим как в далеком прошлом, так и в наши дни в неприятные переделки, понятно, не до основ этологии. Издавна с демонами стали связывать все самое неприятное, места встреч надолго сохранялись в памяти людей, а иногда они попадали на географические карты. Так один из ильменей Волжской дельты в XIX веке именовался “Шайтан” (Карта северо-западной части Каспийского моря от города Астрахани до Чистого банка. Издание гидрографического департамента морского министерства 1887 г.). Вследствие отступления моря ильмень исчез, но его название перешло на близлежащий бугор, а затем и на появившийся в начале XX века населенный пункт (в настоящее время пос. Береговой). С применением русского форманта термин “албасты” лег в основу названия другого поселения в дельте — аула Албастинского (Володарский р-н Астраханской области, с 1931 г. в учетных данных не числится).

Встречи с “диким человеком” на нижней Волге, а именно его следует иметь в виду, когда речь заходит о лопасте, албасты и других антропоморфных персонажах народного творчества, во второй половине XIX столетия становятся все реже. Его образ постепенно обрастает сказочными деталями, ему приписываются несуществующие возможности. Тем не менее, “дикий человек” еще изредка встречался людям. В этом отношении интересно примечание И. Кравченко к одному из изданий калмыцких сказок: “По поверьям старой Калмыкии, мус - человекоподобное, покрытое шерстью чудовище. Даже в *пореволюционное время* (курсив мой - М.К.) в отдельных хотонах распространялись слухи о том, что в камышах того или иного озера поселился мус и нападает на людей” [4, с. 217].

Любопытные данные о посещении “диким человеком” Прикаспия были получены в 1997 г. во время проведения научно-исследовательской экспедиции, проведенной Астраханским отделением РГО по Волго-Уральским пескам [7, с. 45 - 48]. В беседах с местными жителями выяснилось, что в отличие от других демонологических персонажей (шайтан, пари, дэв) албасты это нечто “огромное и волосатое” и реально существующее. Из сообщений пастухов с возвышенности Биш-чохо следует, что последнее появление “диких людей” на возвышенности наблюдалось в середине 30-х годов прошлого века. Какое-то время несколько особей укрывались в пещерах и, по-видимому, чувствовали себя достаточно комфортно, т. к. в этот период отмечены случаи их нападения на всадников, которым приходилось

отбиваться от преследователей камчой. По дошедшим описаниям, албасты женского пола имели волосы до колен.

По официальной версии, анимистические представления, то есть вера в существование духов и возможность человека в общение с ними, есть не что иное как архаика, пришедшая из к нам из далекого прошлого, когда человек, пребывая в полнейшей дикости поклонялся силам природы. Однако вот незадача, с “детства человечества” прошли тысячелетия, а охотникам, егерям, пастухам и другим людям, которым в силу своих увлечений или профессий приходится много времени проводить на природе, “духи” и по настоящее время нет-нет да являются воочию. Примеров тому много как по нашей стране, так и за рубежом, но нас в рамках заданной темы, разумеется, интересуют встречи с диким человеком, произошедшие на Нижней Волге.

В конце 80-х гг. в стране на шумела история с появлением группы “диких людей” на юге Саратовской области [6, с. 73 - 76]. Многие жители Энгельского района в течение лета 1989 года неоднократно встречали их в лесопосадках, на колхозных полях, окраинах сел и даже наблюдали, как один индивидуум с аппетитным чавканьем поедал помидоры в теплице. Наконец, 21 сентября одна особь была застигнута и поймана в совхозном саду [16, с. 12 - 13]! К сожалению попытки сторожей сада, сдать необыкновенный объект “на хранение” не увенчались успехом, и “дикарь” удрал, воспользовавшись оплошностью людей.

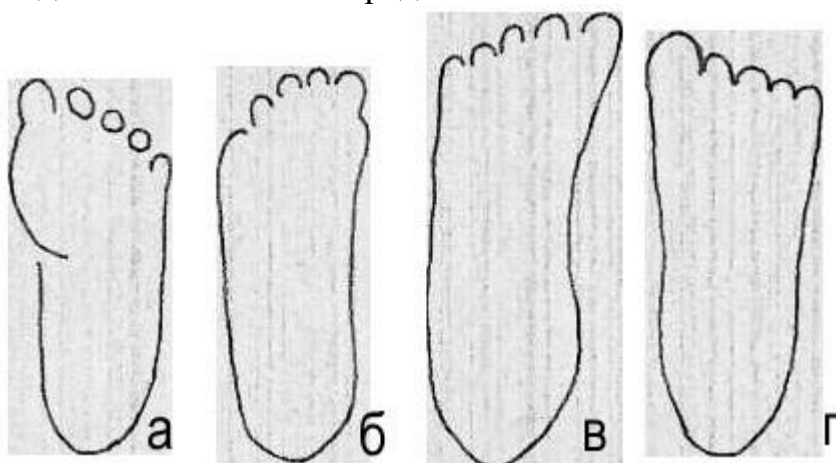
Саратовский инцидент, хотя и служит неким показательным примером того, что “дикий человек” не чурается Поволжья, но наиболее знаменательным можно считать его появление в 1998 г. на севере Астраханской области. Главным образом не потому, что произошло это относительно недавно $\frac{3}{4}$ есть информация о встречах в других регионах страны “посвежее”, важно, что randevу состоялось, как ранее считалось, в непривычном для него ландшафте.

Итак, октябрь 1998 года. Место действия - озеро Баскунчак, на западном берегу которого находится самое живописное в окрестностях место - Суриковская балка. Вокруг простирается степь с выжженной летним зноем и без того скудной растительностью, а в балке, конечно, по местным меркам, расположен небольшой лесок, в котором есть и несколько давным-давно одичавших яблонь. Яблоки мелкие, кисловатые, в общем, для человека данные плоды не очень привлекательны, но для дикого “собрата” как раз наоборот. Патрулируя территорию заказника “Богдинско-Баскунчакский” инспектор Алексей Андросов, тем не менее, решил набрать яблок. Далее предоставим слово свидетелю, даже по прошествии нескольких месяцев вспоминая свой историю с заметным волнением: “... в Суриковской балке я наткнулся, увидел своими глазами... я даже не могу сказать, что это. Спускаясь на мотоцикле с дороги, ведущей через дамбу, заметил нечто, напоминающее человека, убегающего и частично скрытого от меня ветвями деревьев и кустарников. При его беге раздавался шелест, треск веток, так он ломился через кусты. Я остановился и стал собирать яблоки. Минут через семь-восемь, где-то сзади послышался шелест, я повернулся в одну сторону, в другую и

опять его увидел. В это время он сидел на корточках, подавшись вперед, таз приподнят сильно, руки упирались в землю перед ним. Голова на уровне плеч. Плечи огромные, здоровый мужичок. Лицо? Нет, не могу сказать. Глаза? Черные, такие как в фильмах ужасов показывают. Страшные, как бы пустота там. Мягко говоря, некрасивые. Как я понял, он наблюдал за мной, но не звуков, ничего другого не произнес. Как только я повернулся, он просто скрылся. Резко он исчезал почему-то, мгновение какое-то и его нет. Может быть от страха так показалось. Полностью я не мог его рассмотреть, от страха сразу голову отворачивал, поворачивал обратно - нет его там, по кустам убежал. Волосатый весь, больше меня, а у меня рост метр восемьдесят два. Окраской он был коричневато-серый... серый с коричневым, переходный, но не светлый, а темноватый цвет. Темненький такой. После его исчезновения, я схватил мешок и “газу” оттуда...”

Произожди подобный случай, скажем, лет сто или двести назад, очевидец впоследствии непременно заявил бы о том, что повстречался ему албасты. Это, конечно, если он казах. А если калмык или русский, то соответственно - мус или лопасть.

В некотором смысле встреча с “диким человеком” у озера Баскунчак имела продолжение. Дело в том, что 6 мая 2000 года на восточном склоне горы Малое Богдо участниками экспедиции Астраханского отделения РГО были обнаружены две цепочки следов “дикого человека”. Некто, а было их двое, прошли рядом друг с другом по степи, очевидно в самом начале дождя, пересекли проплешину, лишенную растительности, и затем вновь пошли по траве, где отпечатков следов уже не оставалось. Внешне похожие на человеческие, они имели существенные отличия: четко выраженное плоскостопие, массивная, несколько суживающаяся пятка, удлиненные пальцы. Длина стоп в одной из цепочек составляла 31, в другой - 20 сантиметров. Параметры следов вполне соответствуют тем, что оставляют “дикие люди” на Кавказе и в Средней Азии.

Рисунки следов “дикого человека”: а). Кавказ, 1976 г., 27 см, б). Кавказ, 1977 г., 28 см, в). Тянь-Шань, 32 см, г). Прикаспийская низменность, Мал. Богдо, 2000 г., 31 см (рис. автора).

Знание о “диком человеке” складывается из отдельных фрагментов: фактов, почерпнутых с архивных полок, из фольклорных источников, сообщений очевидцев и полевых исследований. С учетом последнего факта появления “дикого человека” на территории Северного Прикаспия не вызывает сомнений, но нельзя утверждать, что данный регион в обозреваемом прошлом являлся постоянным местом его обитания. Пока обнаружены лишь отрывочные сведения об его присутствии здесь, то есть даже в ретроспективе речь может идти исключительно о спорадических миграциях.

Из фольклорных источников известно, что наибольшую активность русский леший проявляет в октябре. В это время он не только чаще встречается людям, но и по многочисленным сообщениям “ломает лес”, “гоняет животных”. Такое поведение с точки зрения биологии животных вполне объяснимо наступлением холодов в средней полосе и необходимостью устройства убежища для зимовки. Вполне резонно предположить, что в преддверии похолоданий некоторые одиночные особи мигрируют по Заволжью на юг, где еще тепло, можно найти пищу и таким образом продлить активный период годового цикла.

Окрестности озера Баскунчак следует рассматривать как район, посещаемый “диким человеком” крайне редко. Сезон посещения приходится на октябрь, когда в обилии имеются плоды боярышника, шиповника, лоха, терна. Далее от озера путь миграции “дикого человека” лежит на восток и юго-восток в степи Казахстана, на которые в свое время указывал профессор Б. Ф. Поршнев [12, с. 84]. На наш взгляд привлекательность тех мест для “дикого человека” заключается в малочисленном и разреженном населении, наличии карстовых форм рельефа, предоставляющих удобные (прежде всего по температурной характеристике) зимние убежища. И, не менее важный фактор, ранней весной здесь проходит массовый отёл сайгаков. Для “дикого человека”, вышедшего из зимней спячки, обстоятельство немаловажное, так как послед животных, да и сами животные, погибшие во время родов, это высококалорийная пища.

Весьма показательно, что “дикий человек” появился на территории Астраханской области в конце 90-х гг. прошлого века. К этому времени окрестности озера Баскунчак уже несколько лет относились к особо охраняемым территориям, соответственно здесь была исключена всякая хозяйственная деятельность, резко снизился фактор беспокойства. За последние годы ситуация не изменилась и это позволяет надеяться, что “дикий человек” еще, так или иначе, проявит себя на территории Северного Прикаспия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1995;
2. Диваев А. А. Этнографические материалы. Ташкент. 1896. Вып. 5;
3. Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995;
4. Калмыцкие сказки. Сталинград, 1936;
5. Керейтов Р. Х. мифологические персонажи традиционных верований ногайцев // Советская этнография, 1980, № 2;
6. Маслов С. “Снежный человек” среди нас. // Чудеса и приключения, 1991, №1;
7. Материалы комплексной научно-исследовательской экспедиции по Волго-Уральским пескам. Астрахань, 1998;
8. Михайлов И. Хозяйственно-статистические очерки Астраханской губернии. СПб., 1851;
9. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984;
10. Муродов О. Древние образы мифологии у таджиков долины Зеравшан. Душанбе, 1979;
11. Ольдекоп Ф. М. Медико-топография города Астрахани и его ближайшей окружности. Астрахань, 1870;
12. Поршнева Б. Ф. Борьба за троглодитов. // Снежный человек: миф и действительность. Алма-Ата, 1991;
13. Поярков Ф. Из области киргизских верований // Этнографическое обозрение, 1891, № 4;
14. Рогожин Т. Нечто из верований, поверий и обычаев жителей ст. Червленной Кизлярского отд. Терской обл. // Сборник для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893, т. 16;
15. Сухарева О. А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков. // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975;
16. Трахтенгерц М. С. Йети. В багажник! // Вестник гоминологии, 2003, №1;
17. Шанский Н. М, Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.